

Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД

В. Г. МАКАРОВ

Биография

Николай Александрович Сетницкий (1888-1937) - ученый с мировым именем, экономист, статистик, философ и эстетик, родился в г. Ольгополе Волынской губернии в семье чиновника, Александра Филипповича Сетницкого. Предки Николая Александровича из духовного сословия: прадед был "из униатской священнической семьи, которая порвала с унией", со стороны матери "деды бежали от Ивана Грозного из Новгорода", а дед был "причетником на Онеге в селе Турчасове"¹.

Детские годы Сетницкий провел в Лодзи, Петрокове и Варшаве, где отец служил фабричным инспектором. После Петроковской гимназии поступил в Петербургский университет на отделение восточных языков. Через год по настоянию родителей перевелся на юридический факультет. Участь на юридическом, параллельно прошел три семестра физико-математического факультета. В университете испытал сильное влияние Л.И. Петражицкого.

В 1914 г. Сетницкий окончил университет и в 1917 г. переехал к родителям в Одессу. Там он сблизился с кружком молодых советских писателей и поэтов "ХЛАМ" (художники, литераторы, артисты и музыканты). Среди участников кружка Э. Багрицкий, В. Катаев, С. Олеша². В 1918 г. он познакомился с Александром Константиновичем Горским, а через него - с учением "общего дела" Н.Ф. Федорова. В 1919 г. Сетницкого оставили при кафедре политической экономии и статистики Одесского университета. В 1920-1922 гг. он - заместитель заведующего, затем заведующий Одесским губстатбюро, в 1922 г. - секретарь Концессионного комитета СССР.

Первая работа в гуманитарной области (брошюра "Статистика, литература и поэзия") опубликована в Одессе в 1922 г. В 1923-1924 гг. Сетницкий - чиновник в отделе торговли ВСНХ. В 1924 г., вместе с А.К. Горским, В.Н. Муравьевым и С.А. Бекневым³ готовил сборник "Трудоведение", издать который не удалось. В 1924-1925 гг. - в Комиссариате почт и телеграфов. С 12 ноября 1925 г. по март 1935 г. - на различных должностях в Экономическом бюро КВЖД в Харбине. 29 апреля 1928 г. командирован по делам службы в Европу для изучения рынка соевых бобов (посетил Германию, Францию и Голландию). В марте 1935 г. уволен со службы в связи с продажей и передачей КВЖД японцам.

В Харбине Сетницкий активно занимался научной и преподавательской работой: изучал проблемы торговли и экономики Манчжурии, читал лекции на Юридическом факультете и в Политехническом институте в Харбине. Именно там Сетницкий сблизился с лидером "сменовеховского" движения, идеологом "национал-большевизма" Н.В. Устряловым⁴. Возможно, знакомство с этим человеком сыграло трагическую роль в дальнейшей судьбе Сетницкого после его возвращения в СССР. В следственном деле Н.В. Устрялова упоминается о Сетницком: "...Сетницкий является последователем учения Федорова - русского религиозного писателя. В Харбине Сетницкий выпустил книжку об Апокалипсисе, проникнутую федоровскими точками зрения...".

В Манчжурии Сетницкий продолжил изучать федоровское наследие и разрабатывать его учение. Он опубликовал на личные средства в Харбине первый том "Философии общего дела", цикл очерков А.К. Горского о Н.Ф. Федорове, его книгу о Федорове и Достоевском, брошюру "Перед лицом смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров" (1928), "Смертобожничество" (1926) и еще целый ряд работ о Федорове. В 1934 г. Сетницкий составляет и издает второй выпуск "Вселенского дела". Он был не только издателем Н.Ф. Федорова и популяризатором его учения. Идеи автора "Философии общего дела" дали творческий заряд его собственным мыслям на темы философии истории и этики, сконцентрированным в главной его книге "О конечном идеале"⁵. Еще он написал ряд работ по экономике Манчжурии и Китая, которые печатались в "Вестнике Маньчжурии", "Экономическом бюллетене КВЖД" и других изданиях: "Сравнительный баланс внешней торговли Маньчжурии", "Внешняя торговля [Северной] Маньчжурии", "Мировой рынок масляничных", "Порт-Дайрен" и другие. Всего он опубликовал 49 работ на экономические темы. Эти работы, как он сам указывал, иногда подписаны псевдонимами ("Кононов", "Коновалов", "Узелков"), а иногда - просто инициалами. В те же годы он вел обширную переписку с выдающимися русскими мыслителями, в числе его корреспондентов - Н. Бердяев, Н. Лосский, Л. Пастернак.

О харбинском периоде жизни в следственном деле Сетницкого имеется ряд интересных документов. В их числе характеристика, данная ему, вероятно, руководством КВЖД: "...Касательно деятельности Н.А. Сетницкого, можно сказать следующее: Н.А. Сетницкий был командирован в 1926 г. на КВЖД из Москвы, как очень энергичный человек. В его задание входило, служа на КВЖД, вести линию экономической разведки, что он и делал до последнего времени. Сетницкий несомненно выдающийся человек - огромной трудоспособности и больших познаний. Дело экономического шпионажа он поставил образцово. Он в курсе всех хозяйственных планов Японии в Маньчжурии, в Монголии и в Китае. Как ученый он пользуется большой известностью в Англии, во Франции и в Америке. Его труды переведены на многие языки...".

О том, как он попал на службу в Манчжурию, и о своей жизни в Харбине, Сетницкий написал в листке по учету кадров, лично им заполненном 31 августа 1936 г., при поступлении на работу в Институт мирового хозяйства и мировой политики: "...В 1924 г. получил предложение через г. Дикого⁶ - зав[едующего] Экономическим бюро КВЖД поступить на службу в Харбин с тем, что одновременно мне будет устроена возможность читать в Харбинском юридическом факультете⁷ лекции. Предложение это я принял и в октябре 1925 г. перебрался в Харбин. Я слабо представлял себе положение в г. Харбине, когда ехал туда. Попав в Маньчжурию, я прожил там 9 лет, из года в год, ожидая отъезда в СССР. ...В 1929 г., в конфликт, я был уволен китайскими властями, а так как я опоздал с отъездом из Харбина, то мне угрожало заключение в концентрационный лагерь. Но избавила меня от этого тяже-

* На титуле работы стоит место издания Рига, в действительности сборник был опубликован в Харбине.

лая болезнь (тиф). Параллельно со службой я преподавал на юридическом факультете в Харбине.

...В первые годы по приезде меня, как профессора, приехавшего из СССР, весьма энергично травили, обвиняя в "красной пропаганде"...

...В конфликт я был уволен с юрфака китайскими властями, захватившими это учреждение, но после конфликта был восстановлен. В последние годы я свел свою работу в этом учреждении к возможному минимуму, читая курс экономической географии СССР. Ушел я совместно с группой советских граждан-профессоров в 1934 г....

...С 1931 года по 1935 я читал, кроме того, ряд дисциплин в Харбинском Политехническом институте⁸ на транспортно-экономическом отделении. В 1935 г., в марте, вместе с продажей дороги был уволен, а затем, июле месяце эвакуирован в СССР, с направлением на работу в НКПС".

На празднование пятидесятилетия факультета в Харбин приезжал Н.К. Рерих (30 мая 1934 г.)⁹. Его приезд послужил поводом к скандалу, в результате которого группа советских профессоров, в том числе Н.В. Устрялов и Н.А. Сетницкий, покинули факультет. Этот эпизод подробно описал Устрялов в одном из своих писем Дикому: "...Деканом состоит Никифоров, а заместителем его "наш" Трифонов. Было установлено джентльменское соглашение об академическом облике учреждения, обязательности коллегиального решения дел и т.д. Качественное превосходство преподават[ельских] сил - на нашей стороне, но количественное за последний год, благодаря большому числу второст[епенных] преподавателей (в частности, кит[айского] языка), - у эмигрантов. Но на это мы не обращали внимания.

Однако за последний год Гинс и Никифоров стали систематически нарушать наше джентльменское соглашение и допускать вторжение дешевой правой политики на ф[акультет], ставя нас в крайне фальшивое положение. Мы протестовали, но тщетно. Мало-помалу у них созрел план нас выжить, как неудобных ныне людей и превратить ф[акультет] в боевое эмигрантское заведение, несерьезное по существу, но хлесткое по форме. Они рассчитывали, что вместе с тем удастся добиться и увеличения субсидии от властей.

Финал разыгрался 31 мая на праздновании 15[-]летнего юбилея факультета. Опасаясь лишнего шума, совет профессоров решил ознаменовать юбилей тихой, домашней "чашкой чая". Но, вопреки этому решению, Гинс и Никифоров решили сделать этот праздник "актом", раззвонили о нем в газетах и пригласили на него разных эмигрантских "деятели" во главе с худ[ожником] Рерихом, сейчас здесь шумящих. Я просил этого не делать, предупреждал, но встретил только суровый отпор, что окончательно убедился, что налицо провокация. Тогда мы с Сетн[ицким] заявили, что если праздник будет проведен помпезно (в стиле "эмигрантского торжества", как писали газеты), вопреки решению сов[етских] пр[офессоров]в, мы уйдем с факультета...

Праздник был проведен с выступлением Рериха (?!), и на другой день, 1 июня, мы с Сетницким подали заявление об отставке. Три недели Рязанов и др. советские коллеги пытались урегулировать вопрос, но тщетно. Из прилагаемой вырезки Вы видите, что наша "платформа" была ультра-умеренной, но эмигр[антская] профессура (Гинс, Никифоров, Энгельфельд и Эсперов - и 10 мамелюков, внутренне чуждых самому духу факультета) отклонили ее, и тогда все советские преподаватели ушли"¹⁰.

В 1935 г. Сетницкий вернулся в Москву. Сначала он устроился работать в Комиссию по эвакуации (с июня по сентябрь 1935 г.); затем - в Плановый отдел Московской Казанской железной дороги (с сентября 1935 по май 1936 г.). Наконец, до самого ареста он работал в должности старшего научного сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики в Москве.

Сохранилась характеристика, данная Н.А. Сетницкому бывшим начальником экономического бюро КВЖД П.И. Колосовым¹¹, для устройства на работу в ИМ-ХиМП АН СССР: "Тов. Сетницкого Н.А. знаю с 1932 г. по совместной работе на КВЖД. Работал в качестве моего заместителя по руководству Экон[омическим] бю-

ро дороги. Сетницкий выполнил по заданию советского управляющего дорогой ряд ценных работ, оказавших существенное влияние на правильное направление коммерческой деятельности дороги. Обладая солидной экономической подготовкой и широким общим образованием, тов. Сетницкий организовал и провел ряд научно-исследовательских работ, давших ценный материал для изучения экономики Маньчжурии. Эти работы нашли свое отражение в целой серии книг и брошюр, изданных Экономич[еским] бюро КВЖД при непосредственном активном участии тов. Сетницкого и являюся до настоящего времени серьезными пособиями для лиц и учреждений, занимающихся Маньчжурией.

Тов. Сетницкий по поручению советского руководства дорогой, кроме того, успешно выполнил ряд отдельных ответственных заданий, не связанных с его прямой работой, но имевших важное значение в деле изучения создавшейся в Маньчжурии вообще и на КВЖД, в частности, обстановки после событий 1931 г.

В сложной и напряженной обстановке работы на КВЖД в период 1932-1934 гг. тов[арищ] Сетницкий проявил лучшие качества советского гражданина".

В 1936 г. Сетницкий написал, но так и не отправил письмо А.М. Горькому. Здесь он раскрыл свое видение ситуации в мире накануне новой мировой войны. Сетницкому, свидетелю страшной бойни в Китае начала тридцатых, со всей наглядностью видна провозглашенная в философии Н.Ф. Федорова актуальность всемирной борьбы со смертью во всех ее проявлениях, и прежде всего с войной. Сущность федоровской концепции уничтожения войн, которой придерживался и Сетницкий, состояла в "двойком" использовании армии и кардинальном изменении функций вооруженных сил: с ориентации на уничтожение себе подобных на спасение всего живого, на искоренение природного Зла, и прежде всего самой Смерти. Обращаясь к Горькому, Сетницкий писал: "...Но вот сейчас эти постановки приобретают перед угрозой новой бойни необычно острый смысл. Ведь в Маньчжурии за 4 года убито до полумиллиона мужчин, не считая женщин и детей, а это даже не рассматривается как война"¹². О себе он сообщал, что слишком слаб и пассивен и не может открыто обнародовать свои взгляды. Потому он и обращается к Горькому, как "единственному человеку в Союзе", который "прямо и ясно видит врага, с которым надо бороться". Враг этот - весь уклад современной жизни, как на Западе, так и на Востоке - отсутствие единой для всего человечества цели, борьбы со стихийными, "слепыми силами природы". Будучи в Манчжурии, обитатели советской колонии на КВЖД напряженно следили за ситуацией, разворачивавшейся в Европе после победы фашизма в Италии и национал-социализма в Германии. Сетницкий, завсегдатай знаменитых "устряловских суббот" в Харбине, принимал деятельное участие в обсуждении политической ситуации в мире: "...я с особым вниманием следил и слежу за всеми Вашими высказываниями. Это тем более важно сейчас, когда подготовка к мировой войне идет нарастающими темпами. Фашизм действительно готовит гибель мира и человечества. Побойше в Валгалле - вот завершительная цель этой системы. Для себя фашисты видят какого-то спасительного Бальдура, но это никого не обманывает. И вот, именно сейчас, мне кажется, необходима настоятельная борьба за жизнь, разоблачение всех личин смерти, появляющейся на основных направлениях современности. То, что сейчас ведется в этой области, совершенно недостаточно. Оно сводится к простейшему рецепту: "отрази фашиста", а чаще даже более простому: "убей его". Мне кажется, что в этих условиях Ваша позиция, дорогой А.М., необычно сложна и трудна и даже противоречива. Я не могу не вспомнить Л.Н. Толстого, судьбу которого Вы воспроизводите с обратным знаком. Проблема неветшающей жизни была ясна ему, но голоса сказать это у него не хватило. Его отход от искусства и уход в благочестивую публицистику, и пресную философию - все это маски, которые он одел на себя перед лицом смерти. Я думаю, что и Вас, как и Л.Н. Толстого и как многих меньших, мучит тот же вопрос о смерти и о борьбе с ней"¹³.

Очевидно, уже летом 1935 г. Н.А. Сетницкий в числе других сотрудников КВЖД попал в поле зрения НКВД в связи с тем, что "...преподавал, будучи в Харбине в бе-

лоэмигрантских учебных заведениях, вращался в обществе быв. деятелей колчаковского правительства, был тесно связан с видными белоэмигрантскими деятелями и активными японскими агентами и вербовщиками Михайловым, Гинесом и др. Теснейшим образом Сетницкий был связан с арестованным ныне за к.-р. шпионскую деятельность Устряловым".

В 1937 г. Сетницкому пришла повестка в НКВД, потом предъявлено обвинение в "Измене Родине", затем последовал арест, суд Военной Коллегии Верховного Суда СССР и суровый, несправедливый приговор.

"...за отсутствием состава преступления"

В ночь с 1 на 2 сентября 1937 г. Н.А. Сетницкий был арестован по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-1 "а" УК РСФСР ("Измена Родине"). Его поместили в Бутырскую тюрьму. Ордер на арест подписан начальником 2-го (Оперативного) отдела ГУГБ НКВД СССР майором госбезопасности А.К. Залпетером¹⁴. Сетницкого допрашивали восемь раз, продолжительность допросов составила 57 часов:

№п/п	Дата	Начало и конец допроса	Сколько пробыл на допросе
1	4 сентября	0-30--6-55	6-25
2	5 сентября	23-15--1-25	2-10
3	8 сентября	22-25--6-35	8-10
4	9 сентября	9-10--2-10	17-00
5	11 сентября	12-30--2-15	13-45
6	17 сентября	13-10--20-25	7-15
7	20 сентября	13-35--15-40	2-05
8	16 октября	17-00--17-10	0-10

Однако в следственном деле имеется лишь один протокол допроса от 22 сентября 1937 г. В силу сложившейся в те годы практики, даже если арестованного часто вызывали на допросы, не каждая встреча со следователем оформлялась протоколом, если, по его мнению, подсудимый ничего нового не сообщил о совершенном "преступлении". Иногда следственное производство основывалось лишь на оперативных данных, а показания, полученные в ходе следствия, по существу не проверялись. Документальные материалы, подтверждающие факт совершения обвиняемыми преступлений отсутствовали в ходе большинства политических процессов 1937-1939 гг. Довольно часто в нарушение порядка ведения следствия обвинительное заключение предъявлялось после того, как арестованного уже допросили в качестве обвиняемого. Нередко в начале следствия арестованного обвиняли по одной статье, а когда он признавался, будто совершил другие преступления, обвинение перекалифицировали на другую статью (например: вначале было предъявлено обвинение по ст. 58-10 ("антисоветская агитация"), а затем ст. 58-1а ("измена Родине")). В ходу была и такая практика, когда протоколы допросов вели на черновиках, а затем объединяли и оформляли как один документ, который печатали на пишущей машинке, давали подписать обвиняемому и вшивали в следственное дело. Черновики допросов уничтожались.

"Дело Сетницкого" отличается некоторыми "несуразностями" в оформлении документов. После набора стандартных юридических документов (ордер на арест, протокол обыска, постановление о предъявлении обвинения, анкета арестованного и проч.), перед протоколом допроса в дело вшито письмо Н.А. Сетницкого наркомму внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежову без даты, но с дополнениями от 11 и 10 сентября 1937 г. Причем именно в такой последовательности: сначала продолжение от 11, а затем от 10 сентября. Постановление о предъявлении обвинения датировано 15 октября, а вшито в дело третьим по счету, после ордера на обыск. Кажется, будто том следственного дела брошюровали второпях, и следователи не обращали внима-

ния на столь явные ошибки в оформлении материалов. Между тем по существовавшему тогда юридическим нормам обвинение арестованному следовало предъявить не позднее, чем через две недели после ареста¹⁵, то есть не позднее 15 сентября.

Когда впервые знакомиться с делом, создается впечатление объективности: да, шпион, сам во всем сознается и кается в содеянном. Затем следует суровый, но справедливый приговор "изменнику Родины и японскому шпиону". Вроде бы все правильно: был за границей, встречался с разными "подозрительными" личностями, в том числе и с японцами, дружил с эмигрантами, издавал книги, явно не укладывающиеся в марксистскую идеологию. Но вышеназванные "неточности", а главное сама личность обвиняемого заставляют усомниться в формальной правильности доказательной базы. Да и "покаянное" письмо Ежову выглядит странно, не вяжется как-то с профессорским стилем Сетницкого. Это пространное "письмо наркому из Бутырки" совпадает по времени с наиболее продолжительными допросами (от 9 и 11 сентября), ни один из которых не нашел отражения в следственном деле. Также необходимо учесть еще один нюанс: письмо Ежову написано чернилами, а заключенным, как известно, в камеру ручек не давали. Следовательно, можно предположить, что оно написано Сетницким под диктовку следователя. Однако многое становится на свои места, если ознакомиться с выдержками из приказа НКВД СССР № 00593¹⁶ от 20 сентября 1937 г., подписанного наркомом внутренних дел СССР Н. Ежовым. Имеет смысл привести этот документ полностью, без изъятий: "Органами НКВД учтено до 25 000 человек, так называемых "харбинцев" (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза.

Учтенные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической и шпионской деятельности.

Доказательством этого могут служить также и следственные материалы. Например, на железнодорожном транспорте и промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4 500 харбинцев. Следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполнявшуюся работу японской разведки по организации на территории Советского Союза диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Рассылая при настоящем приказе закрытое письмо о террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев, в целях разгрома насажденных на транспорте и в промышленности СССР шпионских кадров из харбинцев,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1-го октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы:

а) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

г) участники троцкистских и правых формирований, а также харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований; [...].

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в **первую очередь** арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

б) **во вторую очередь** - всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч.

5. [...] Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.

Выявляемую в процессе следствия харбинцев новую сеть шпионов, вредителей и диверсантов - **НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВАТЬ**.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) **к первой категории** - отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу;

б) **ко второй категории** - всех остальных, менее активных харбинцев, подлежащих заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет.

7. На харбинцев, отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории - ежедекадно составлять альбом (отдельная справка на каждого арестованного), с конкретным изложением следственных и агентурных материалов, определяющих степень виновности арестованных.

Альбом направлять в НКВД СССР на утверждение.

Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производится на основании агентурных и следственных данных - Народным Комиссаром Внутренних дел республики - начальником УНКВД области или края, начальником ДТО ГУГБ НКВД, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение - **НЕМЕДЛЕННО**. [...].

11. Операцию по харбинцам закончить к 25 декабря 1937 г.

12. В отношении семей репрессированных харбинцев руководствоваться приказом № 00486 от 15 августа 1937 года.

13. О ходе операции доносить мне по телеграфу каждые пять дней (5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца)".

Следствие по его делу Сетницкого длилось недолго, чуть более двух месяцев. Обвинительное заключение утверждено печально знаменитым Прокурором Союза ССР А.Я. Вышинским. 4 ноября 1937 г. Н.А. Сетницкий был осужден Военной Коллегией Верховного Суда по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1 "а", 17 - 58-8, 58-11, к "высшей мере уголовного наказания". В акте о приведении приговора в исполнение от 4 ноября 1937 г. Н.А. Сетницкий стоит под № 19 из 28-ми расстрелянных в этот день. Прах Сетницкого покоится в братской могиле на Донском кладбище в Москве¹⁷.

В постсталинские времена Военная коллегия реабилитировала человека, обвиненного в столь тяжком преступлении. Этой посмертной реабилитации предшествовала тщательная, скрупулезная проверка всех обстоятельств дела, в ходе которой было точно установлено, что Сетницкий не был изменником и японским шпионом. В том числе в качестве доказательства использовались показания оказавшегося в советском плену японского разведчика Киодзи Томинага, который якобы привлек его к шпионской работе против СССР. Томинага не назвал Сетницкого в числе завербованных им советских граждан. Материалы этой проверки составляют 2-й том "дела" Сетницкого, гораздо более объемный, чем обвинительные материалы. На основании проведенной проверки, подтвердившей невиновность Н.А. Сетницкого, определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 июня 1956 г. приговор

от 4 ноября 1937 г. был отменен, и дело в отношении Н.А. Сетницкого прекращено за "отсутствием состава преступления".

ЧСИР*

Суд еще не успел вынести "японскому шпиону" свой приговор, как угроза репрессии нависла над его близкими. Накануне рассмотрения дела Н.А. Сетницкого Военной коллегией Верховного Суда СССР, 3 ноября 1937 г., врид начальника 3-го (Оперативного) отдела ГУГБ пишет справку на имя замнаркома внутренних дел Союза ССР, в которой испрашивает разрешения произвести арест его жены - Сетницкой (урожд. Дубяго) Ольги Ивановны, "а дочь¹⁸ передать в детский дом или родственникам". Ровно через месяц, день в день - 3 декабря 1937 г. был выписан ордер на ее арест.

4 декабря 1937 г. Ольга Ивановна Сетницкая была арестована и доставлена в Бутырскую тюрьму. Следствие по делу длилось всего около трех недель. Обвинительного заключения ей даже не предъявляли. В деле имеется один формальный протокол допроса от 7 декабря 1937 г., занимающий одну страничку. После стандартных вопросов биографического характера следователь спросил:

"... - Что Вам известно о к.-р. деятельности Вашего мужа Сетницкого Николая Александровича?"

Ответ: - О к.-р. деятельности Сетницкого Н.А. мне ничего не известно.

Вопрос: - Назовите Ваших знакомых.

Ответ: - Знакомых я и мой муж имеем очень мало. Приезжал к нам в гости из Воронежа Домбровский Иван Иванович, быв. сослуживец моего мужа по КВЖД.

Вопрос: - Следствию известно, что Вы способствовали к.-р. деятельности Сетницкого Н.А. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: - Нет, не подтверждаю. О к.-р. деятельности Сетницкого Н.А. мне ничего неизвестно"¹⁹.

В заключении по делу записано: "...Сетницкая Ольга Ивановна, муж которой Сетницкий Николай Александрович арестован органами НКВД и изобличен как японский шпион, является социально опасным элементом". Этого в те времена было вполне достаточно, чтобы передать дело на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Приговор по подобным "преступлениям" в 1937 г. выносили автоматически: "как члена семьи изменника Родине - заключить в исправтрудлагерь сроком на ВОСЕМЬ лет"²⁰. 1 декабря 1956 г. Сетницкая Ольга Ивановна была реабилитирована определением Верховного Суда Союза ССР.

Об идеале "общественном" и идеале "конечном"

В 1912-1913 гг., еще студентом Сетницкий ознакомился с журнальными публикациями профессора П.И. Новгородцева "Об общественном идеале", подтолкнувшими его написать собственную работу, книгу "О конечном идеале". В этой книге он, по существу, полемизирует с Новгородцевым, выдвигая свое видение социального идеала как следующего этапа в развитии федоровской концепции "трудового воскресения". Не случайна поэтому высокая оценка, которую дал Н.А. Бердяев в рецензии на книгу "О конечном идеале" ("Путь", 1932, № 36), назвав ее "наиболее интересным и значительным явлением" в "федоровской литературе", "шагом вперед в христианском учении об активном призвании человека"²².

В новгородцевской концепции общественного идеала во главу угла положен "принцип личности", необходимо приводящий к идее "всечеловеческой, вселенской солидарности". Новгородцев полагал, что "...личность, душевная жизнь личности шире и глубже политики и общественности, и потому спасения и удовлетворения человек должен искать не только в обществе, но прежде всего в себе, в своих собственных силах и средствах"²³. В сжатой форме этот принцип Новгородцев определил как "принцип свободного универсализма", в котором, по его мнению, выражается

* ЧСИР - член семьи изменника Родины.

"...и равенство, и свобода лиц, и всеобщность их объединения, поскольку все это сочетается в идее свободной солидарности всех" . Показав утопичность теоретических построений "анархических и социалистических" концепций своего времени, провозгласив, что социализм должен быть освобожден "от материалистического обоснования и от классового характера" и, что "потребность" социума "вытекает не из одних материальных, а прежде всего из идеальных задач", Новгородцев приходит к неутешительному выводу, что идеал "конечного совершенства" не может быть "целью общественного развития": "Ожидать, что этот умопостигаемый край правды и добра станет также и земным раем, противоречит и данным опыта, и предположениям морального прогресса"²⁶.

Перед Н.А. Сетницким стояла несколько иная задача. В начале 1930 г. он попытался оценить итог реализации марксистских утопий, основываясь на федоровской концепции "общего дела". Свою цель Сетницкий видел в "...проникновенно внимательном отыскании причин для одних и вдумчиво углубленном выяснении грехов и ошибок для других, с тем чтобы и те, и другие отыскали пути исправления положения, в котором находилась великая страна, и обеспечили ей возможность найти и стать на тот "правый путь", который сделал бы "ненужными" все бедствия, которые нами переживаются: войны, революции, мятежи, междоусобные брани и т.п."²⁷ Одухотворенный федоровской мечтой о всеобщем братстве всех людей на планете, Сетницкий твердо верил в победу жизнеутверждающих идей: "...все те, кто сознательно станут на эти пути предуказанного нам преобразования мира, будь то отдельные лица, группы, классы, общества, организации и государства - все они станут центрами притяжения для всех сил жизни и рано или поздно победят мир никому не обидной победою жизни"²⁸.

Сетницкий как бы принимает у Новгородцева "эстафету" в дальнейшем исследовании проблемы "общественного идеала". Он писал: "После защиты своих построений проф. Новгородцев вынужден прийти к весьма пессимистическим формулировкам. "Понятый в этом смысле идеал может показаться отвлеченным и бессодержательным". Так оно и есть! Он не только кажется таким, но он именно так и строится самим автором, и "отвлеченность" и "бессодержательность" (т.е. отсутствие конкретного содержания) являются его неотъемлемыми чертами, выдвигаемые самим автором как конструктивные его определения"²⁹. Путь построения общественного идеала, выбранный Новгородцевым, считал Сетницкий, приведет лишь "к провозглашению идеала "Великого Инквизитора", к созданию религиозного общества, церкви, руководимой аскетами и скептиками в маске мудрецов"³⁰. Проанализировав концепцию Новгородцева, он делает вывод: "Против эсхатологических построений "земного рая" и идеалов "конечного совершенствования" необходимо выставить тоже эсхатологические построения большей силы, прямоты и продуманности, чем нигилистические и противоречивые построения "бесконечного совершенствования", ведущие в существе к "совершенному концу", в черную яму небытия"³¹.

Выработку собственной концепции Сетницкий начинает с постановки проблемы идеала как таковой, которая, по его убеждению, есть прежде всего "проблема действия, действительности и действительности". Для него ответ на вопрос: "что выше и больше: идеал в представлении или в осуществлении" однозначен, "в осуществлении"³². Сетницкий выделяет несколько стадий, которые проходит воплощение идеала. Каждая стадия, в свою очередь, распадается на этапы.

Первый этап первой стадии - это фиксация идеала, т.е. постановка задачи, которую необходимо решить или "создание центра внимания и сосредоточение стремления". Второй - верификация, "доказательство от опыта, от испытания". Третий - "устранение неопределенностей", корректировка, уточнение недостатков теоретических построений, выявленных при столкновении с реальной действительностью. Значение первой стадии состоит в доведении идеала "до предельной точности и остроты формулировки", при котором "невозможно смешение его ни с чем инородным,

посторонним и чуждым". В результате ее завершения происходит "именование идеала и фиксация цели".

Вторую стадию можно назвать конкретизацией идеала, это стадия "заполнения его конкретным содержанием". Сетницкий подчеркивает: "Идеал не есть, не может и не должен быть чем-то бесформенным, безмерным и беспредельным, как мы бы сказали - апейротическим. В этом случае мы имели бы перед собой нечто безобразное и безобразное, не имеющее и не могущее иметь имени, и если и могущее влечь и увлекать, то лишь путем обмана и подмена"³³. Результатом этой стадии является "нахождение какой-то центральной точки", "сотворение образа, вида и лика" грядущего идеала, "конструкция осуществляемого и ожидаемого". На этой стадии идеал является "чем-то еще не наличным".

Третья стадия воплощения идеала - это стадия ориентировки. Она включает решение двух взаимосвязанных задач: уяснения наличной действительности "как точки, от которой приходится отправляться" и "определившегося и образовавшегося идеала, как точки, к которой предстоит двигаться". Сетницкий полагал, что на этой стадии останавливаются все учения, подобные концепции Новгородцева, так как: "Элементарные попытки совместить действительность и идеал дают основание говорить о неуловимости второго и разница и разделение между ними при этой видимой недостижимости впускает мысль о непроходимой между ними пропасти"³⁴. Сетницкий же полагает, что задача достижения идеала на этой стадии есть задача "преимущественно аналитическая" и состоит: 1) в определении путей, ведущих к нему, и 2) умения направить действительность на эти пути.

Заключительную стадию воплощения идеала Сетницкий называет "исчислением" идеала, за которой следует "переведение его в действительность" или "работа во спасение", "призыв, т.е. привлечение и соединение личных средств, объединение людей и общей деятельности, направленной к завершительному воплощению "постигнутого" и "исчисленного" идеала"³⁵.

Эти четыре стадии воплощения идеала Сетницкий считал "условиями его существования", без которых идеал не будет полным и совершенным. Он справедливо полагал, что "все существующие идеалы представляют не что иное, как попытку ограничить идеал, как норму, какой-нибудь одной стадией идеогонического процесса", в результате чего "существующие идеалы подобного рода являются дробными идеалами"³⁶. Эти идеалы "дробны", потому что за сам идеал принимают одну из стадий его воплощения.

Подтверждение своего тезиса о "дробных идеалах" Сетницкий находит в употреблении слова "идеал" в обыденной речи: "При таком положении становится ясным, почему при существующих привычках названия, самое слово "идеал" применяется как будто к весьма различным, если не совершенно различным вещам. Идеал "земного рая", идеал "рыцаря" или идеал "честного купца" представляются весьма отличающимися друг от друга построениями... Тем не менее общность названия имеет за собой какие-то основания, природа которых выясняется, если посмотреть на них с точки зрения приведенных выше соображений об отдельных стадиях воплощения идеала"³⁷. Эти идеалы, полагал Сетницкий, представляют собой "бесчисленный ряд осколков и частных аспектов единого идеала, разбившегося при своем падении", своеобразные попытки человечества выработать "норму социального поведения"³⁸.

Сетницкий выделяет четыре группы "дробных идеалов"³⁹, распределяя их по степени "дефектности" (от менее "дефектных" к более "дефектным"): 1) теологическо-религиозные; 2) художественно-фантастические; 3) научно-познавательные; 4) традиционно-бытовые.

Подытоживая построение иерархии "дробных идеалов", Сетницкий делает вывод: "Таким образом, естественным будет считать, что из числа дробных идеалов наибольшей степенью дефектности обладают построения традиционно-бытовые, достаточно большой - научно-познавательные, меньшей - художественно-фантасти-

ческие и наименьшей - названные нами теологически-религиозными. Это утверждение станет вполне понятным, если иметь в виду, что идеал есть нечто неотделимое от действия и поведения и что соответствующее поведение, связанное с представлением идеала, должно реализовываться и осуществлять надлежащий идеал"⁴⁰.

Область поисков приемлемого для всех людей "конечного идеала" Сетницкий видел в христианстве, точнее в нравственно-практическом направлении христианской мистики⁴¹, утверждавшем необходимость творческой активности со стороны человечества в деле преобразования Универсума, соучастия человека и Бога в Спасении мира. Свое видение направления поиска "конечного идеала" Сетницкий изложил следующим образом: "Сказанное с достаточной ясностью приводит нас к утверждению, что наиболее полный и продуманный материал для построения и провозглашения цели и идеала можно найти в сфере религии или религий. Бесплезно искать обоснование идеала в науке и искусстве, ничего для построения его не даст и жизнь как таковая. Только там, где принципиально ставится вопрос о цели, о жизни и смерти, только там, где он уже не раз различно практически разрешался и где имеется уже богатейший накопленный опыт, только там, с расчетом на успех, можно искать и найти данные для суждения о существовании идеала. Сказанным мы не предпрещаем вопроса о том, каково должно быть отношение к сфере религии как таковой. Существование то, что всякая религиозная система ставила какую-то цель, намечала какой-то идеал, избирала какую-то возможность и ставила на очередь вопрос об осуществлении и выполнении задач, связанных с актуализацией соответственной, в ней заключенной потенции. Религии всех времен и всех народов ставили перед собой не что иное, как какую-то, каждая свою, задачу, к осуществлению которой в меру сил, возможностей и знаний они привлекали л ю д е й "⁴².

Достоинна внимания еще одна особенность философской прizziции Н.А. Сетницкого. Вслед за Федоровым он с тревогой отмечал всю сложность переживаемой человечеством эпохи, когда существованию цивилизации стала угрожать ее же собственная мощь: "Современная техника уже обладает силами, способными без особого труда уничтожить человечество и особенно более совершенные и "культурные" слои его (население городов). Вопрос именно в том и заключается: куда направить эти силы, при неиспользовании готовые обрушиться на мир и задавить человечество? Что должно быть сделано, чтобы та власть, которая уже находится в руках человека, послужила ему ко благу, к спасению, а не к гибели? И в чем это благо?"⁴³. Прогресс науки и техники не должен выступать в роли "поставщиков комфорта и удобств" и "искателя средств борьбы человека с человеком". Ему необходимо поставить более высокую цель - способствовать объединению человечества для поиска спасения от всеобщей гибели, для борьбы со всяческим распадом и смертью.

Не секуляризация науки и техники, а союз их с религией, для выполнения миссии спасения жизни на Земле - вот путь к управлению слепыми силами природы. Религия (от religo - связываю) должна выполнить предначертанную ей по своему прямому смыслу связующую роль между людьми, наукой и техникой. Однако природными стихиями (в этом он солидарен с муравьевской концепцией "организации труда") можно овладеть только человеческим трудом, направляемым наукой: "На вопрос, чем непосредственно организуется хаос, надлежит ответить: - трудом, а единицей труда является усилие. Однако в условиях нашей действительности труд сам не организован и из всей суммы человеческих усилий лишь небольшая часть направлена согласованно и согласно. В остальном они распыляются и взаимно уничтожаются в бесплодной борьбе и слепоте междучеловеческих противоборств, с одной стороны, и в незнании путей их согласования, неумении и нежелании их упорядочить - с другой. Простейшее упорядочение в области усилий совершается при помощи науки. Усилия координируются числом-счислением, которое является первым актом научного отношения к хаотической действительности. Можно сказать с этой точки зрения, что наука, как таковая, есть организация труда, вообще, что путь и способ ко-

ординирования трудовых усилий совершается при помощи знания и ориентировки⁴⁴.

Общественный идеал, по Сетницкому, - это образ благобытия, требующий своего осуществления в объективной реальности. Определяющим моментом в процессе становления идеала является его "воплощение". Конечной целью общества, по Сетницкому, является утверждение "целостного идеала", развитие и восполнение до него всех прочих "дробных" идеалов.

**Документы из архивного следственного дела № Р-8532 в отношении
Н.А. Сетницкого**

№ 1. Анкета арестованного Н.А. Сетницкого от 2 сентября 1937 г.

Анкета арестованного

1. Фамилия *Сетницкий*
 2. Имя и отчество *Николай Александрович*
 3. Дата рождения: число "29" месяц *ноября* год *1888*
 4. Место рождения г. *Ольгополь*
 5. Местожителство (адрес) *Пушкино Яр[ославской] 2 Домбровская 2*
 6. Профессия и должность *экономист, преподаватель, журналист*
 7. Место службы или род занятий *Институт Мирового Хозяйства и Мировой Политики*
 8. Паспорт *взят при обыске, отделенья не знаю*
 9. Социальное происхождение *служащий, всю жизнь жил на жалованье*
 10. Социальное положение *служащий*
 - а) до революции *служащий*
 - б) после революции *служащий*
 11. Образование (общее и специальное) *юридический факультет Ленинградско-го университета*
 12. Партийность (в прошлом и настоящем) *беспартийный*
 13. Национальность и гражданство (подданство) *Русский и СССР*
 14. Категория воинского учета и где состоял на учете *снят с учета в 1932 г.*
 15. Служба в белых и др. к.-р. армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого) *не служил и не был*
 16. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что) *не было*
 17. Состав семьи: *жена, Ольга Ивановна, учительница нач[альной] школы. Дочери Ольга⁴⁵, студентка и Елена⁴⁶, в 8 классе.*
- Подпись арестованного *Сетницкий*
1. Особые внешние приметы -
 2. Кем и когда арестован -
 3. Где содержался под стражей -
 4. Особые замечания-
- Подпись сотрудника, заполнившего анкету [подпись; неразборчиво]
"2" сентября 1937 г.
- Примечание. Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.
- (А ФСБ РФ. Д. № Р-8532. Т. 1. Л. 4-4об. Подлинник. Рукопись.

Генеральному Комиссару
Государственной Безопасности
Н.И. Ежову
[от] Н.А. Сетницкого

Будучи вызван на допрос к следователю гражд[анину] Чайковскому я просил его дать мне возможность изложить данные о моем привлечении к разведочной работе в пользу Японии. И в бытность мою на службе КВЖД меня пытался завербовать в качестве шпиона японец, известный мне как японский военный атташе и быв. разведчик во время интервенции Томинага⁴⁷. Вербовка эта шла два раза, первый раз я отказался от выполнения его поручений, а второй - согласился. Первый раз дело обстояло так: в 1932 г. в июле проживал на Гиринской улице в особняке КВЖД. Это был год множества мелких затруднений и потерь, главным образом материальных: я был обокраден и остался без денег и т.д. Однажды я торговал в магазине на Китайской ул[ице] какую-то вещь, ко мне подошел известный И.А. Михайлов⁴⁸, бывший министр колчаковского периода, а в дальнейшем японский агент, которого я знал еще по студенческим временам и увидел, что я покупаю себе дешевые штаны, посмеивавшись спросил меня, что это я - почти начальник ЭкономБюро - покупаю себе такую дрянь. Слов не помню, но смысл был таков. Тогда я ответил, напрасно Вы И[ван] А[ндреянович] думаете, что времена де не такие, что были при Вас (Михайлов до 1924 г. был Нач[альником] Эк[номического] Бюро). Он заинтересовался моим материальным положением и сказал, что был бы очень не прочь со мной побеседовать, т.к. давно не говорил ни с кем из сов[етских] граждан.

Встреча эта состоялась через пару дней на пляже у Сунгору⁴⁹. Мне было странно, что этот человек, очень осведомленный в японских делах, очень откровенно говорил мне о разных делах, касающихся японского наступления и т.п. На след[ующий] день я был нездоров и остался дома, а вечером ко мне явился Томинага и попросил разрешения переговорить со мной. После нескольких слов он сразу же подошел к делу, заявив, что слышал, что мне нужны деньги и что он предлагает мне работать на КВЖД. Я не ожидал такого предложения и отказался. Он сказал, что он очень огорчен и пытался [...], но ушел, видимо, недовольный. Об этом случае я сказал Рогозину М.К., а на следующий день Ю.В. Рудому⁵⁰. После этого события мне не пришлось замечать каких-либо попыток вербовки меня до 1935 г.

В 1935 г. я закончил огромную работу по составлению указателя Названий и населения мест Маньчжурии, в количестве 27 000 названий, работа была выполнена по японской карте и была очень ценным материалом. Незадолго до конца этой работы меня встретил Михайлов (тогда мне казалось случайно). Он, подойдя и спросив, что я думаю о своем будущем (поездка в СССР), между прочим сказал, что он слышал о какой-то большой работе, которая ведется в Эк[номическом] Бюро, а затем, когда я сказал, что это, в сущности, пустая работа по старым материалам, сказал мне: "Смотрите, как бы Вам не пришлось из-за нее остаться". Слова эти для меня разъяснились в дальнейшем. Я хотел сохранить для СССР сырой материал, послуживший мне для этой цели и сделал попытку увезти его из помещения Эк[номического] Бюро и сдать в Консульство. Мне не удалось это сделать в последние дни перед эвакуацией и я вывез эти материалы в банк на склад. В последний день перед [отъездом] казначей Управления делами* ко мне рано утром явился, спросив разрешения по телефону, тот же Михайлов и предложил остаться на службе в Управлении. Я заявил, что меня это не устраивает. Об этом случае я на следующий день сообщил

*Таквтексте.

Ю.В. Рудому в его кабинете на квартире. Позднее я убедился, что это было ничем иным как попыткой создать мне подходящую маскировку при возвращении в СССР, маскировку на случай сомнений в моей порядочности. После сдачи дел в управлении дороги я не был отчислен и новый заведующий японец Томинага (кажется) просил меня приходиться на службу и "работать". Я не ходил, но за мной посылали.

Вся картина для меня разъяснилась через несколько дней, после того как я отвез в Консульство материал Указателя. Придя в управление (я там оставил самопишущую дорожную ручку в столе) меня пригласили к Томинага в кабинет. Он спросил меня, когда я еду из Харбина и сказал, что он позвал меня, чтобы проститься и пожелать мне счастливого пути, я поблагодарил и хотел откланяться. Он спросил меня, куда я хочу ехать: я сказал, что очень хочу в Москву, но сомневаюсь, удастся ли это, вероятно, меня отправят в какой-нибудь город из окраинных. Он спросил меня, где я желаю работать, я ответил, что, конечно, моим желанием было бы работать по вопросам Китая, что на это трудно рассчитывать. Тогда произошла довольно резкая перемена. Он попросил меня сесть (это было в кабинете быв. пом[ощника] управляющего) и заявил мне, что я должен с ним поговорить и сообщил мне, что им известно, что я вел в Маньчжурии шпионскую работу, что я составлял и руководил работой над указателем к японской военной карте и что буду немедленно арестован, если не соглашусь на его предложения. Я отлично представлял, что это обозначает и, спросил, что он от меня хочет. Тогда он заявил, что от меня ничего сейчас не требуется, что я буду полезен ему в будущем. - Когда "в будущем"? - На это последовал такой ответ: примерно в 1937-1938 году. Я спросил, что это значит: на это мне было отвечено, что их очень интересует общее экономическое положение СССР в результате коллективизации хоз[яйства]. В результате разговора для меня стало ясно, что меня вербуют как шпиона. Я дал такое согласие. Думал, что мне удастся, в конце концов, выскочить из этого тягчайшего положения. Мне было дано следующее указание: до 1938 г. от меня ничего не требуют; в 1938 г. мне предстояло познакомиться с состоянием сельского хозяйства, с посевными площадями и поголовьем скота, причем от меня требовался экономический анализ положения колхозного крестьянства и оценка настроений его в связи с разными мероприятиями. Сказал, что ведь конкретный материал очень легкодоступен и что он публикуется. Мне было указано, что центр тяжести в оценке, что их интересует тот анализ, который может дать образованный и вдумчивый человек, могущий определить устойчивость с/х базы страны.

Я сказал, что сомневаюсь, что мне выполнить такую работу, а затем как же передавать ее. На это мне было сказано, что это пока не моя забота, а в свое время мне об этом сообщат.

Находясь под угрозой ареста и всего того, что знал о расправах японцев, зная, что мне может угрожать арест за мою работу, связанную с рядом материалов, которые собирались в Эк[ономическом] Бюро, я дал согласие в будущем давать интересующую информацию. Однако я думал только о том, как бы уйти и как-нибудь выбраться из создавшегося положения, рассчитывая, что, как только перееду границу можно будет обо всем рассказать. Но на мои мысли я тут же получил ответ: "Имейте в виду, господин Сетницкий, что Вы и в СССР будете не так далеко от нас. Вы, вероятно, думаете, что Вам легко будет ускользнуть от нас?" Я сказал, что ничего не думаю, а спросил: "Как же вообще они представляют мою работу по даче интересующих их материалов?". - На это мне было сказано, что в будущем мне многое станет ясно, а если я начну разговоры на эти темы, то они найдут способ на меня воздействовать. А впрочем, прибавил он: "Вы найдете случай убедиться в наших возможностях". Затем мне повторно был задан вопрос: "Вы хотите в Москву и работать по Китаю?". Я ответил: "Да". На это я получил неожиданный ответ: "Вы поедете в Москву и, будете работать по Китаю, если хотите". Я не задавал больше вопросов, чувствуя их бесполезность, полагая, что это простое бахвальство. После этого мне было сказано, что в случае чего мне будет оказана помощь материальная

и по устройству. Я ушел из управления быв. КВЖД около 4 часов, проговорив примерно 5 часов. Было это 15 или 14 мая. Я упустил из виду - мне было сказано, конечно, что в случае отказа ни я, ни моя семья не получают денег и, неизвестно, уедут ли моя жена и дети из Харбина, если я вздумаю отказываться и уклоняться.

Все это произвело на меня тягчайшее впечатление, я думал, что мне удастся вырваться из этой пытки, однако 17 числа я свалился с сильнейшим гриппом. 19[-го] мы выехали за границу Маньчжурии, больной я вышел в Маньчжурии на перрон, думая [что] на ближайшем перегоне я поговорю с Рудым. Однако, мне на ст[анции] Маньчжурия пришлось встретиться с ним. Он сам обратился ко мне первым, спросил, куда я хочу ехать. На мой вопрос, что я очень хотел бы в Москву, он мне намекнул, что он это устроит. Это обстоятельство меня смутило и я решил, что надо ждать. По приезде в Иркутск, в отличие от всех прочих работников моего положения, я был направлен в Москву. В Москве я заболел, а после болезни начались дела с моим трудоустройством. Я решил, что самое лучшее для меня - уклониться от работы, которая меня интересует, а найти на жел[езной] дор[оге]. Я был направлен на М[осковскую] Каз[анскую] ж[елезную] д[орогу], однако там для меня создалась тяжелая обстановка. При моей квалификации я оказался посаженным на работу, которую на КВЖД нес конторщик.

Думая о том, чтобы пойти и сообщить об этом деле куда следует, но, с одной стороны, у меня была встревоженность и настороженность, а с другой - воды уйдет очень много и может быть все это пройдет как-нибудь благополучно, тем более, что конкретно до 1938 г. много воды утечет. Тут я был вызван в Внутдел. При этом мне сказали, что меня по телефону вызывали в это учреждение (сказал об этом Голубчиков и досказал Василевский), меня это удивило, но вскоре я получил приглашение от т. Чайковского⁵¹. При беседе с ним я чувствовал необычайную ложность положения: с одной стороны, мне хотелось сказать об этом деле, а с другой - разговор шел о деле, которое, как мне казалось тогда, поставит меня в крайне ложное положение, - вопрос касался Устрялова. Я решил воздержаться от сообщения, думая, что, во всяком случае, успею. Кроме того, у меня был ряд планов, с которыми я носился уже много лет, я думал довести их до сведения Ягоды и в дальнейшем поговорить о себе. Однако на этом пути я встретился с[о] следующими событиями. Уже зимой 1935 - [19]36 года я сильно болел и думал о неприятностях и той обстановке, которая была на Каз[анской] ж[елезной] д[ороге]. Тут я встретился с неким Маркеловым, кот[орого] знал в Харбине студентом. Встретился я с ним в декабре 1935 г. в Торгсине. Он очень внимательно и дружески подошел ко мне и стал расспрашивать, почему не работаю по Китаю. Я сказал, что очень трудно устроиться. В результате беглого разговора с Маркеловым, который сказал мне, что [есть] места для работы по Китаю: ИМХиМП, Атлас и Севморпуть, я стал думать, что, в сущности, чем я рискую в этом деле? Однако не предпринял ничего, а стал думать о посылке письма Ягоде и сказал ему, что у меня есть большой план и я хотел бы написать об этом в НКВД. Маркелов очень насторожился, но ничего по этому поводу не сказал. Мое впечатление было таково, что меня кто-то толкнул в определенном направлении. Через несколько времени я написал письмо и понес его на службу. После выхода со службы его у меня украли вместе с пачкой документов. Тогда я решил расстаться с дорогой и идти работать по Китаю. Однако было очень трудно уйти из НКПС. Тогда я решил уйти по инвалидности, а затем попытаться устроиться на кит[айскую] работу. Я пошел в ИМХиМП и попал к Востринскому. Востринский меня не обнадежил. Тогда я обратился к П.О. Колосову. П.О. сказал мне, что это можно устроить, что он меня помнит, и дал рекомендательное письмо в Институт. Но там мне сказали, что этого недостаточно. Я не хотел идти к Рудому, но думая, что м[ожет] б[ыть] это случайность с устройством меня в Москве, отправился. Рудый дал мне деловую характеристику для представления в институт. Однако мне очень не хотелось ее представлять и я упросил Рогова В.Н. дать мне вторую рекомендацию. Рекомендацию Рудого я сохранил. Она лежит у меня в письменном столе в институте.

На этом я остановился - дело в том, что в институте я думал устроиться и оглядеться до того момента, когда окажется возможность выйти из моего трудного положения. События 1936 г. (осень и весна 1937[г.]) заставили думать о том, что дело, в котором запутали японцы, носит грандиозный характер и [нужно] выждать.

Заканчивая мое заявление, считаю, что я был завербован японцами как агент для информации о состоянии сел[ьского]-хоз[яйства] и устойчивости колхозной базы, но с расчетом на то, что я буду состоять в запасе до момента 1938 г. Я ждал, что со мной встретятся и начнут ставить мне конкретные задания. Я думал, что в этом случае мне удастся выйти из моего ложного положения и сообщить обо всем НКВД. Но в это время я был арестован.

Н. Сетницкий

P.S. Я склонен думать, что направление в Москву и поддержка меня Рудым при поступлении на службу были продиктованы ему японцами, т.к. мне было сказано, что меня устроят в Москву и на работу по Китаю.

Н. Сетницкий

[без даты; не ранее 10 сентября 1937 г.]

По вопросу о знакомстве моем с японцем Томинага могу сообщить следующее: этот человек был студентом юридического факультета в Харбине и очень внимательно слушал мои лекции там. Я в это время (1926 г.) читал курс финансовой науки и говорил об изменениях, которые в хозяйственную жизнь СССР были внесены НЭПом, и излагал вопросы финансовой политики Союза при военном коммунизме. В первые же месяцы 1926 г. ко мне явился названный японец и сообщил, что его ко мне направил проф[ессор] Устрялов, просил почитать ему ряд лекций об СССР и его экономическом положении. Интересовался он преимущественно положением промышленности, при этом оказался осведомлен о том, что я работал в ВСНХ. Я ему заявил, что не являюсь специалистом по промышленности, а занимался торговлей и рабочим вопросом. Тогда он просил меня познакомить его с тем, чем я найду для себя интересным. У меня был кодекс законов о труде, и я прочел ему 5 или 6 лекций о советском трудовом законодательстве. Я сначала думал отказать от этого дела, но, поговорив с проф[ессором] Устряловым, взялся за это, т.к. он мне сказал, что этот японец мне может быть полезным, т.к. он очень обязательный человек. Речь шла о моем намерении в случае, если обстоятельства позволят, поехать в Японию.

П. По вопросу о чтении Устряловым лекций в институте, организованном в Харбине русско-японским обществом, мне известно, что он там читал лекции по советскому государственному праву во все годы с 1924 по 1932 или 1933 год, он присутствовал на вечерах, актах и др[угих] празднествах, организованных этим обществом. В последние годы вместо него туда был приглашен один из белогвардейских профессоров, кажется Никольский.

III. По вопросу об отношении проф[ессора] Устрялова к Японии могу отметить, что во все годы моего знакомства, за исключением последних лет (уже во время конфликта), он высказывался за компромисс между СССР и Японией. Он утверждал, что Япония является на Д[альнем] В[остоке] единственной, реальной силой и считал, что в интересах СССР договориться с нею о разделе сфер влияния в Маньчжурии за счет Китая. Эта японофильская установка его отпала в связи с конфликтом 1931 г. Она, однако, была известна японцам, и они, естественно, могли считать, что и Устрялов, и группировавшиеся вокруг него лица, могут явиться проводниками таких взглядов в СССР. Такая точка зрения Устрялова была связана с его концепцией, согласно которой СССР является продолжением царской России, унаследовавшим от нее все основные международные проблемы. От этой точки зрения, в основ-

ном, устоявшейся в вопросе о "советском милитаризме" в последние годы он отошел в связи с событиями 1931 [-го] и последующих годов.

IV. В пределах с 1925 по 1933 год у профессора] Устрялова бывал ряд лиц, из которых некоторые не имели никакого отношения к КВЖД и не состояли в гражданстве СССР, другие утратили его в последние годы. Из числа эмигрантов белых мне приходилось встречать у него проф[ессора] Гинса⁵², быв. колчаковского министра, но он бывал здесь очень редко, а в тридцатых годах перестал посещать Устрялова. Некоторым известным мне эмигрантом был проф[ессор] Энгельфельд⁵³ - это обыкновенный настроенный человек, он был у проф[ессора] Устр[ялова] до 1933 - [19]34 годов. До 1929 г. у Устрялова постоянно встречался Дикий, быв. нач[альник] Эконом[ического] бюро КВЖД, в 1929 бежавший из СССР, перешедший с этого времени в эмиграцию и переселившийся во Францию; Дикий был очень близок к Устр[ялову]. Четвертым можно упомянуть Е. Е. Яшнова⁵⁴ - быв. советского гражданина и служ[ащего] на КВЖД, который с 1934 г. стал невозвращенцем. С 1932 г. он разошелся с Устряловым и перестал у него бывать. Обычным гостем бывал Нилус⁵⁵, быв. служащий КВЖД с 1930 г., уволенный и перешедший в эмиграцию. Определенно политический характер имели разговоры пр[офессора] Устрялова до 1933 г. С этого года, в сущности, у него перестали бывать все перечисленные лица. Последние годы у него бывали: я, проф[ессор] Трифонов⁵⁶ и различные случайные люди, и разговоры на общие и политические темы были сведены к минимуму. Это происходило, помимо прочего, в силу того, что встречи у него, в глазах местных властей, расценивались как советофобские.

Н. Сетницкий

11 сентября 1937 г.

В дополнение к заявлению моему на имя Генерального Комиссара Государственной Безопасности по вопросу о завербовании меня японцами в качестве шпиона имею еще сообщить следующее:

1. Вопреки мысли моей о том, что меня оставят в покое до 1938 г., а там будет время, чтобы раскаяться или предупредить возможные неприятные последствия, я не был оставлен вниманием японской разведки и в течение 1936 и 1937 года оказался в связи с японской агентурой. Произошло это следующим образом: в 1936 г., сентябрь месяц, я снимал комнату в одном из переулков у Божедомки у гражд[анки] Кульматицкой. В комнате этой я ночевал иногда и вел в ней работу по составлению словаря, над которым тогда работал. После некоторого перерыва в городских ночевках в конце июля месяца я явился на квартиру, и мне было сообщено, что меня усердно искал какой-то элегантно одетый гражданин. И что хозяева посоветовали ему искать меня на даче в Пушкино.

Через несколько времени, в первых числах месяца августа, возвращаясь в Пушкино на дачу, я около дома был остановлен неизвестным мне гражданином, одетым в синий дождевик с застежками молния на боковом кармане. Этот человек подошел ко мне и спросил, являюсь ли я гражд[анином] Сетницким. На мой ответ - да - он сообщил мне, что искал меня на Божедомке и несколько раз заходил ко мне. Я попросил его зайти ко мне в дом, но он просил уделить ему несколько минут на улице и, если меня не затруднит, пройти с ним к вокзалу. Отрекомендовался он Иваном Петровичем Николаевым, а на мой вопрос, откуда он меня знает, сообщил, что он в Москве проездом из Харбина и имеет ко мне порученье. На вопрос от кого, он назвал "г[осподина] Томинага". На мою попытку отказать от разговора, он поспешил заверить, что является транзитным пассажиром, а вовсе не тем, о ком я думаю (агентом "Гепеу", как он сказал) и сказал, что по просьбе г[осподина] Т[оминага] желал со мной свидеться, чтобы условиться о порядке связи. Он сообщил мне, что от меня не требуют сейчас никаких конкретных работ, а просят меня поддерживать связь и выполнять некоторые справки, которые столь просты, что не требуют даже особой конкретики. На вопрос мой, что он имеет в виду, сообщил мне, что я, время от времени, буду получать небольшие письма с просьбами, которые просит меня вы-

поднять следующим образом: отправляя ответ, положительный или отрицательный на имя того лица, которым письмо будет подписано, добавив, что, вероятно, это будет его имя. На мое замечание о том, что это слишком уж грубая конспирация, он заметил, что все предусмотрено и, что мне нечего беспокоиться. Задача заключается лишь в подтверждении связи, а на имя этого лица будет два или три письма в почтамте, т[ак] что в случае надобности он возьмет то, которое нужно (если я беспокоюсь на случай захвата того, кто будет получать такое мое письмо, что отразится на мне).

Подойдя к вокзалу, я простился с этим гражданином, спросив, давно ли он из Харбина и кого еще он знает там из моих знакомых, он сказал, что не слышал обо мне от Михайлова и от Фоменко. Мое впечатление от этого человека таково, что, это, по всей видимости, иностранец, вернее всего поляк (судя по легкому акценту), живший в России или много вращавшийся в русской кампании.

Первый случай установления соответствующей связи выразился в следующем: в конце сентября 1936 г. я получил у себя в квартире Пушкине письмо, подписанное Ив[ан] Петр[ович] Николаев. Оно содержало просьбу сообщить точное заглавие книги Н.Д. Кондратьева⁵⁷ о сельском хозяйстве, изд[анной] в г. Вологде. Все это я сообщил в ближайшие дни, получив нужную справку у В.С. Кизенковой⁵⁸, у которой или была эта книга, или она мне откуда-то достала.

Следующий, второй случай установления связи имел место в декабре месяце 1936 г. Он заключался в просьбе сообщить, какое исчисление населения СССР я считаю правильным на 1935 г.: 170 миллионов или меньше? На это я ответил, что эта величина мне кажется предельной. Два письма были написаны от руки одним и тем же почерком на простой тетрадной бумаге в клетку и были в простых конвертах.

В дальнейшем, третьим письмом, полученным мною, было письмо в конце апреля 1937 г., оно содержало вопрос о том, не имею ли я каких-либо сведений о результатах переписи по вопросу о верующих. На этот вопрос я написал, что таких данных сейчас никто не имеет, но что общее мнение*, что число явно выше, чем можно было думать. А об этом я указал, что несколько известных мне домах (напр[имер], в доме, где живет моя сестра (А.К. Сетницкий - грузины)), число, показавших себя верующими, доходит до одной трети. Запрос по этому поводу был написан на пишущей машинке.

5. В июне месяце 1937 г. (числа 20 или 22) у меня опять была встреча около моей квартиры с тем же Николаевым, который также поджидал меня при моем обычном возвращении домой. Подойдя ко мне, он сказал, что опять проездом находится в Москве и возвращается из Европы в Китай и хотел повидаться со мной. Он сказал мне, что в этом 1937 г. в Харбине рассчитывают мои связи с информацией об урожае и урожайности в районах Украины и вообще "производящей полосы". Я же в это время был под впечатлением начавшихся энергичных арестов среди служащих КВЖД и заявил ему, что вообще все это дело меня не устраивает сейчас и, что я думаю, что мне придется от всего этого избавиться. Мой собеседник старался убедить меня, что ведь эти данные не требуются и не могут быть получены сейчас, и что вообще к этому времени все переменится. Однако при моей настойчивости он заметил, что мне невыгодно отказываться от этого дела вообще, так как в случае чего мне все равно угрожают неприятности, так как у меня здесь, вероятно, нет моих брошюр о Н.Ф. Федорове (это брошюры, которые мной напечатаны в г. Харбине и в глазах тамошней публики считались контрреволюционными), на мой ответ, что брошюры эти ничего особенного не содержат, он ответил, что, как знать, но вообще советовал мне не беспокоиться. Тут он спросил меня, не знаю ли, где теперь находится Н.В. Устрялов. Я знал от семьи Н[иколая] В[асильевича], что он арестован, но не рискнул сказать ему об этом, а сказал, что кажется он уехал в Калугу. В результате

*Далее неразборчиво.

всех этих разговоров я заявил, что сейчас при всех обстоятельствах надо быть мне крайне осторожным и что я прошу мне ничего не писать на дом. Все эти разговоры закончились вопросом со стороны моего собеседника: не знаю ли я, где живут следующие лица: Шаблинский⁵⁹, Орлов и Головки, бывшие служащие КВЖД? Адресов этих лиц я не знал и сказал, что не знаю. Собеседник мой, которого я разглядел хорошо, так как в 1936 г. разговор шел вечером, почти в темноте, а сейчас было еще светло (7-8 часов вечера), является высоким мужчиной; светло-русый, с несколько удлинненным лицом. Говор его напоминает польский, вернее так говорят в Западном крае, одет он был в серый пиджак и синие брюки. Кепка под цвет пиджака. Одежда, похожая на принятую в Москве, но качеством лучше.

Н. Сетницкий

10 сентября 1937 г.

ЦА ФСБ РФ. Д. № 8532. Т. 1. Л. 7-12об. Подлинник. Рукопись. Автограф.

№3.

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР
в составе:

Председательствующего диввоенюриста *Голикова*
Членов: *бригвоенюристов Зарянова и Преображенцева*
При секретаре *военном юристе 1 ранга Кондратьеве*
В закрытом судебном заседании, в городе Москве

"4" ноября 1937 года рассмотрела дело

Сетницкого Николая Александровича, 1888 г[ода] р[о]ждения, быв. стар[шего] сотрудника института мирового хозяйств[ва] и мировой политики Академии Наук СССР, - в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 "а", 17-58-8, 58-11

Предварительным и судебным следствием установлено,

что Сетницкий, будучи завербован для шпионской деятельности представителем японских разведывательных органов Томинага, в 1935 году прибыл в СССР с заданиями шпионского и террористического порядка, выполнял порученные ему задания, Сетницкий неоднократно встречался на советской территории с агентами-связистами, прибывшими из-за кордона. Сетницкий, кроме того, состоял членом к.-р. "сменовеховской" группы, руководимой Устряловым и, как участник этой группы по заданию японской разведки, вступил в организационную связь с террористической организацией "правых" для организации активной борьбы с Советской властью.

Признавая виновным Сетницкого в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 "а", 17-58-8, 58-11 УК РСФСР и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верх[овного] Суда СССР

Приговорила:

Сетницкого Николая Александровича к высшей мере уголовного наказания - расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный и в силу постановления ПИК СССР от 1 декабря 1934 г. приводится в исполнение немедленно.

Председатель Голиков

Члены Зырянов

Преображенцев

ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-8532. Т. 1. Л. 51-51об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

Архив Н.А. Сетницкого и А.К. Горского был сохранен усилиями дочери Сетницкого, Ольги Николаевны и жены Горского, Марии (Мэри) Яковлевны Горской (Монзалевской). В настоящее время основная часть наследия Н.А. Сетницкого, после смерти его дочерей О.Н. Сетницкой и Е.Н. Берковской (Сетницкой)⁶⁰ перешла к мужу последней, Ю.Р. Берковскому.

Большинство документов дела собственноручно написаны Сетницким, в том числе анкета арестованного, письмо наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову и др. Каждый лист протокола допросов и все исправления в тексте заверены подписью арестованного в соответствии с нормами судебного делопроизводства. Рукописный текст в данной публикации дан курсивом. Отточиями в квадратных скобках отмечены опущенные фрагменты. Все документы публикуются впервые; орфография и синтаксис, в основном, сохранены (в том числе написания имен собственных и географических названий). Исправлены только явные опечатки и ошибки, затрудняющие восприятие текста. Сведения о некоторых лицах, упомянутых в документах, к сожалению, выявить не удалось.

Автор выражает глубокую благодарность Юлию Романовичу Берковскому за предоставленную возможность работы с архивными следственными делами в отношении Н.А. и О.И. Сетницких.

¹ Гачева А.Г. А. Горский, Н. Сетницкий // *Горский А.К. Сетницкий Н.А.* Сочинения. М., 1995. С. 7.

² *Берковская Е.Н., Гачева А.Г.* Слово об идеале // *Свет: Природа и человек.* 1990. № 8. С. 62.

³ Бекнев Сергей Александрович (?-?) - инженер. Автор книги "Гипотеза о нервной энергии и ее значение в деле образования коллективов максимальной производительности труда" (М., 1923).

⁴ Устрялов Николай Васильевич (1890-1937) с 1920 г. - в эмиграции, до 1935 г. жил в Харбине, преподавал на Юридическом факультете в Харбине. В 1935 г. вернулся в СССР, до ареста - профессор экономической географии Московского института инженеров транспорта. Арестован 6 июня (по другим данным, 14 июля) 1937 г. "за к.-р. деятельность". 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу по обвинению в "шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации". Приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован.

⁵ Впервые работа была опубликована в "Известиях юридического факультета в Харбине" (1929; № 7). Отдельной книгой была издана в Харбине в 1932 г. тиражом всего 250 экз. В СССР практически не попала, как утверждает А.Г. Гачева, в библиотеках России имеется только один экземпляр данной книги (Научная библиотека ГА РФ, именной экземпляр Н.О. Лосского). Один экземпляр книги имеется в Чехии, в так называемом Пражском архиве (pederoviana Pragensia), где хранятся и другие бумаги Н.А. Сетницкого, еще несколько экземпляров книги находятся в библиотеках США.

⁶ Дикий Григорий Никифорович (1888-1961) - экономист, "сменовеховец", сослуживец и товарищ Н.В. Устрялова. Во время гражданской войны переехал с семьей из Екатеринбурга во Владивосток, а оттуда в 1920 г. в Японию. В 1922 г. переехал в Манчжурию, где в 1924 г. устроился на работу заведующим экономическим бюро КВЖД (с 3 октября 1924 по 1929 гг.) и принял советское гражданство. В 1929 г. эмигрировал сначала в Китай, а в 1930 г. во Францию.

⁷ Харбинский юридический факультет - высшее учебное заведение, созданное на основе Высших экономико-юридических курсов в Харбине 1 марта 1920 г., впоследствии переименованных решением совета профессоров в частный юридический факультет. На факультете преподавали историю, экономику, социологию, юриспруденцию, русское и китайское право. На факультете обучались русские и китайские студенты; среди преподавателей были профессора Н.Н. Никифоров, Н.И. Миролубов, Н.А. Сетницкий, Н.В. Устрялов, Г.К. Гинс, В.В. Энгельфельд и другие.

⁸ Харбинский политехнический институт (Политехникум), или Технологический институт - высшее учебное заведение в г. Харбине (Манчжурия), готовившее персонал для управления и эксплуатации КВЖД и для содействия развитию Китая; образован в 1920 г. под названием Русско-китайский техникум.

⁹ *Дубаев М.А.* Харбинская тайна Рериха // Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М., 2001. С. 74.

¹⁰ *Воробьев В.А.* "Политическая эмиграция — не наш путь". Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому // Исторический архив. 1999. № 3. С. 142-143.

¹¹ По словам Ю.Р. Берковского, Колосов П.И. был начальником Экономического отдела КВЖД. С его сыном Елена Сетницкая (младшая дочь Сетницкого) училась в одном классе. В письме к Ежову Н.А. Сетницкий ошибочно написал его инициалы: П.О.

¹² *Сетницкий Н.А.* Письмо А.М. Горькому // *Горский А.К., Сетницкий Н.А.* Сочинения. М., 1995. С. 408.

¹³ *Сетницкий Н.А.* Там же.

¹⁴ Залптер Ане Карлович (1899-1939) - сотрудник НКВД СССР. С 14 июня 1937 по 24 января 1938 г. - начальник 2-го (Оперативного) отдела ГУГБ НКВД СССР, майор госбезопасности (старший майор с 29 ноября 1938 г.).

¹⁵ "Совершенно секретно": Лубянка - Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. 1922. М., 2001. С. 85.

¹⁶ Мемориал-Аспект. Информационный бюллетень Московского мемориала. 1993. № 1(3). С. 2.

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 355.

¹⁸ Имеется в виду младшая дочь Н.А. Сетницкого - Елена, в то время ученица 8 класса средней школы; старшая дочь - Ольга Николаевна была студенткой исторического факультета МГУ.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-12484. Л. 7-8.

²⁰ Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР от 22 декабря 1937 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. № Р-12484. Л. 10. Машинопись. Автограф. Подлинник.

²¹ Работа П.И. Новгородцева "Об общественном идеале" является третьей частью обширного труда "Введение в философию права". Публикация продолжалась шесть лет на страницах журнала "Вопросы философии и психологии" с 1911 по 1917 г., затем вышла отдельной книгой (Москва, 1917).

²² Гачева А.Г. Ук. соч. С. 441.

²³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 43.

²⁴ Новгородцев П.И. Ук. соч. С. 111-112.

²⁵ Новгородцев П.И. Ук. соч. С. 422-423.

²⁶ Новгородцев П.И. Ук. соч. С. 138.

²⁷ Сетницкий Н.А. Мессианство и "русская идея" // Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995. С. 381.

²⁸ Сетницкий Н.А. Ук. соч. С. 405.

²⁹ Сетницкий Н.А. О конечном идеале. Ук. изд. С. 301.

³⁰ Сетницкий Н.А. Ук. изд. С. 302.

³¹ Сетницкий Н.А. Там же. С. 304.

³² Сетницкий Н.А. Там же. С. 290.

³³ Сетницкий Н.А. Там же. С. 310.

³⁴ Сетницкий Н.А. Там же. С. 318.

³⁵ Сетницкий Н.А. Там же. С. 320.

³⁶ Сетницкий Н.А. Там же. С. 322-323.

³⁷ Сетницкий Н.А. Там же. С. 323.

³⁸ Сетницкий Н.А. Там же. С. 328.

³⁹ Сетницкий Н.А. Там же. С. 324.

⁴⁰ Сетницкий Н.А. Там же. С. 333.

⁴¹ Подробнее об активно-эволюционном направлении в христианстве см.: Семенова С.Г. Активное христианство Н.Ф. Федорова в контексте нашего времени // Философия русского космизма. М., 1996. С. 52-78.

⁴² Сетницкий Н.А. О конечном идеале. Ук. изд. С. 353-354.

⁴³ Сетницкий Н.А. Мессианство и "русская идея". Ук. изд. С. 400.

⁴⁴ Сетницкий Н.А. О конечном идеале. Харбин, 1932. С. 25.

⁴⁵ Сетницкая Ольга Николаевна (1916—1987) — старшая дочь Н.А. Сетницкого, библиограф. Закончила исторический факультет МГУ. Работала библиографом в библиотеке Государственного педагогического института.

⁴⁶ Сетницкая (в замужестве - Берковская) Елена Николаевна (1923-1998) - историк, младшая дочь Н.А. Сетницкого, окончила исторический факультет МГУ (1949). Сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы. С 1987 г. занималась разработкой и систематизацией архива Н.А. Сетницкого.

⁴⁷ Томинага Киодзи (1891-?) - японский кадровый разведчик и дипломат; генерал-лейтенант. Уроженец дер. Фукуэ провинции Нагасаки. В 1926-1927 гг. - начальник японской военной разведки в Манчжурии, в 1930-1932 гг. - помощник японского военного атташе в Москве. До 1935 г. занимал различные должности в Генеральном штабе. В 1935-1936 гг. - начальник общего, затем 2-го отдела Управления генштаба. В 1937 г. - начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба Квантунской армии. 9 октября 1945 г. задержан советскими войсками в Манчжурии, арестован 30 июля 1951 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-4, 58-6 УК РСФСР. 13 февраля 1952 г. Военным трибуналом Московского округа Томинага Киодзи осужден к 25 годам (ИТЛ) каторжных работ. Досрочно освобожден 15 апреля 1955 г. и передан представителям японского Красного креста в порту Находка.

Михайлов (он же Александрович) Иван Андрианович (1891-1946) - экономист, политический деятель. С ноября 1918 г. до сентября 1919 г. министр финансов в правительстве Колчака. В феврале 1920 г. эмигрировал, жил в Харбине. С ноября 1921 по октябрь 1924 г. — начальник Коммерческой части; заведующий Экономическим бюро КВЖД. В 1945 г. задержан в Манчжурии УКР "Смерш" Приморского военного округа и направлен в ГУКР "Смерш" в Москву. Осужден 26 августа 1946 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 30 августа 1946 г.

⁴⁹ Имеется в виду река Сунгари.

⁵⁰ Рудый Юлий Викентьевич (1887-1938) - хозяйственный деятель, железнодорожник. Уроженец г. Лида Виленской губернии. Член ВКП(б) с 1918 г. С 17 декабря 1929 г. - управляющий КВЖД, уволен в

марте 1935 г. в связи с передачей дороги. Заместитель начальника Центрального грузового управления НКПС. Арестован 29 августа 1937 г. "как член а/с право-троцкистского центра, действовавшего на железнодорожном транспорте СССР и одновременно агент иностранных разведок". Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к ВМН. Приговор приведен в исполнение 15 февраля 1938 г. По заключению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 5 марта 1956 г. приговор от 15 февраля 1938 г. в отношении Рудого Ю.В. отменен. Реабилитирован.

⁵¹ Чайковский - оперуполномоченный 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР, вел следствие в отношении Н.А. Сетницкого.

⁵² Гинс Георгий Константинович (1887-1972) - политический деятель, юрист. Потомственный дворянин г. Киева. Окончил Кишиневскую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1909). Оставлен при университете по кафедре гражданского права. В 1911 г. - в заграничной командировке в Гейдельберге, а в 1912 г. — в Париже. В 1916 г. — приват-доцент Петроградского университета, магистрант гражданского права, профессор. В 1918 г. экстраординарный профессор Омского Политехнического института, осенью 1918 г. — управляющий делами Совета Министров в правительстве Колчака. Профессор Юридического факультета в Харбине, преподавал на кафедре римского и торгового права. В 1921 г. - начальник канцелярии Правления общества КВЖД. В 1923 г. - утвержден и.д. Главного контролера КВЖД. Научные труды: "Этические проблемы современного Китая". Харбин, 1927; "Обоснование политики права в трудах профессора Л.И. Петражицкого". Харбин, 1928; "Право и сила. Очерки по теории права и политики". Харбин, 1929; "Л.И. Петражицкий (характеристика научного творчества)". Харбин, 1931. В 1941 г. эмигрировал в США; в 1945—1954 гг. преподавал в Калифорнийском университете.

⁵³ Энгельфельд Владимир Викторович (1891-1937) - юрист, профессор права. Уроженец г. Кургана, из потомственных дворян Витебской губ. Окончил Санкт-Петербургский университет (1913). В 1913 г. - в Канцелярии комитета попечительства о трудовой помощи; в 1915 г. - в Министерстве юстиции, затем (до лета 1917 г.) - в Канцелярии первого департамента Сената. После Октября 1917 г. в эмиграции, в Харбине. Преподавал на Юридическом факультете в Харбине; в 1929-1930 гг. - декан факультета. Научные труды: "Очерки государственного права Китая". Париж, 1925; "Китайские политические партии". Харбин, 1925, "Политическая организация современной Монголии". Харбин, 1926; "К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII и XVIII веках", Харбин, 1929.

⁵⁴ Яшнов Е.Е. - сотрудник КВЖД, участвовал в библиографическом сборнике "Обзор литературы по китаеведению" под редакцией Н.В. Устрялова (Харбин, 1932); кроме того, в выходившем в Харбине "Вестнике Маньчжурии" №№ 3 и 4 за 1926 г. указана статья Е.Е. Яшнова "Важность изучения крестьянского хозяйства Северной Маньчжурии".

⁵⁵ Нилус Евгений Хрисанфович (1880-?) - военный юрист, полковник, кадет. Уроженец г. Старица Тверской губернии. Окончил 2-й Михайловский кадетский корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1901), Александровскую Военно-Юридическую академию (1910). С 1901 по 1910 г. служил в армии на разных должностях. С 1910 по 1914 г. - в Петербургском военно-судебном управлении. В 1914-1918 гг. - военный следователь Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи в Харбине. С 1918 по 1921 гг. - штаб-офицер для поручений при Верховном уполномоченном Омского правительства на Дальнем Востоке генерале Хорвате в Харбине и председатель межведомственной квартирной комиссии. С 1921 по 1930 г. - старший секретарь Правления КВЖД. В 1923 г. - секретарь по изданию экономического обзора КВЖД в связи с 25-летием дороги. В 1924 г. - преподаватель курсов китайского языка, одновременно - старший секретарь правления дороги. В 1930 г. - уволен со службы "за минованием надобности".

⁵⁶ Трифонов Николай Николаевич (1884-1937) - доктор философии Цюрихского университета. Уроженец г. Толмачева. С 1913 по 1917 г. - доцент Цюрихского университета. С 1917 по 1918 г. — в Лозанне. С марта 1920 г. — в Дальневосточном государственном университете (Владивосток). В 1925 г. - директор Центральной библиотеки КВЖД. В 1930 г. - уволен "за минованием надобности". До ареста — преподаватель Томского индустриального института. Арестован 28 октября 1937 г. Томским горотделом НКВД СССР по обвинению в участии в "к.-р., кадетско-монархической повстанческой организации". По решению Тройки УНКВД Новосибирской области от 9 ноября 1937 г. Н.Н. Трифонов расстрелян.

⁵⁷ Кондратьев Николай Дмитриевич (1892—1938) - знаменитый экономист.

⁵⁸ Кизенкова Валентина Семеновна (1893-1963) - экономист, переводчица. С Н.А. Сетницким познакомилась в Москве в 1920 г. В 1928—1935 гг. они регулярно переписывались (в Пражском архиве хранится 99 писем В.С. Кизенковой к Н.А. Сетницкому; письма Н.А. Сетницкого хранились у В.С. Кизенковой и пропали при ее аресте в 1949 г.).

⁵⁹ Шаблинский Сильвестр Михайлович (1885-?) - служащий КВЖД; штабс-капитан; родился в дер. Белоусы Витебской губернии; монархист. Участник Первой мировой и Гражданской войны. Член Русского общевоинского союза до 1926 г. В русской армии командовал ротой в 115 Новочеркасском полу, 14 Иртышском полку, в 1-й Добровольческой армии и затем сводным батальоном в Сибири. В Манчжурию прибыл в декабре 1920 г. в составе Сибирской армии, житель ст. Хайлин (Манчжурия), участник антисоветской группы бывших офицеров, возглавляемой кн. Н.А. Ухтомским.

⁶⁰ Гачева А.Г. Ук. соч. С. 412.